

Научно-исследовательский журнал «Вестник педагогических наук / Bulletin of Pedagogical Sciences»

<https://vpn-journal.ru>

2025, № 1 / 2025, Iss. 1 <https://vpn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

УДК 378.091.3:37.014.54(470+73)

DOI: 10.62257/2687-1661-2025-1-236-253

¹ Сапожников Г.П., ² Лобанова Е.В.

¹ Академия бизнеса и инновационных технологий

² Российский новый университет

Исследование влияния рейтинговой системы на выбор учебного заведения абитуриентами: сравнение России и США

Аннотация: исследование, посвященное влиянию рейтингов университетов на выбор абитуриентов в России и США, выявляет динамику между национальными системами образования и глобальными системами оценки, где рейтинги, являясь «символическими маркерами» академического престижа, функционируют одновременно как отражение качества институтов и как инструменты для привлечения абитуриентов в различных культурных и экономических контекстах. Российская модель, определяемая опорой на одобренные государством рейтинги (в которых приоритет отдается научной продукции и национальным приоритетам), контрастирует с подходом США, который отражает «рыночную» ориентацию, где студенты делают акцент на личной и финансовой выгоде наряду с мировой репутацией, создавая таким образом двухслойную интерпретационную систему. При помощи сравнительного анализа методологий рейтингов и восприятия абитуриентов исследование раскрывает, как «престиж» действует в локализованной, но глобально влияющей среде, указывая на «академическую экономику», где рейтинги формируют конкурентную среду способами, выходящими за пределы национальных границ. Результаты, основанные на данных опросов и статистических сравнений, показывают, что в то время как российские студенты при принятии решений ориентируются на результаты научных исследований и связи с работодателями (что свидетельствует об ориентации на научные достижения, поддерживаемые государством), американские абитуриенты отдают предпочтение таким показателям, как возможность трудоустройства, финансовая помощь и репутация учебного заведения, что отражает «студентоцентричные» аспекты процесса принятия решений. Полученные результаты свидетельствуют о том, что университеты в обоих контекстах должны пересмотреть свои стратегии, не просто рассматривая рейтинги как неизменные инструменты оценки, а используя их в качестве активных инструментов позиционирования и глобальной интеграции. Рекомендации для учебных заведений включают повышение глобальной узнаваемости при сохранении национальной значимости (для российских университетов) и совершенствование показателей, ориентированных на студентов (для американских вузов), с акцентом на качественные факторы, выходящие за рамки традиционных систем ранжирования, такие как сети выпускников и партнерские отношения с промышленностью. Анализ позволяет сделать вывод, что рейтинги, которые часто рассматриваются как жесткие индикаторы, представляют податливые конструкции, с помощью которых учебные заведения могут согласовывать свои позиции на быстро развивающемся глобальном академическом рынке, превращая рейтинги из пассивных отражений статуса в инструменты для институционального роста и привлечения абитуриентов.

Ключевые слова: рейтинг университетов, поведение абитуриентов, образовательные системы, сравнительный анализ, престиж учебного заведения, глобальная конкурентоспособность, академическая экономика, метрики, ориентированные на студентов, национальная политика в области образования, стратегия высшего образования

Для цитирования: Сапожников Г.П., Лобанова Е.В. Исследование влияния рейтинговой системы на выбор учебного заведения абитуриентами: сравнение России и США // Вестник педагогических наук. 2025. № 1. С. 236 – 253. DOI: 10.62257/2687-1661-2025-1-236-253

Поступила в редакцию: 28 октября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2024 г.; Принята к публикации: 10 января 2025 г.

¹ Sapozhnikov G.P., ² Lobanova E.V.
¹ Academy of Business and Innovative Technologies
² Russian New University

Research on the influence of the rating system on applicants' choice of educational institution: a comparison of Russia and the USA

Abstract: the study on the influence of university rankings on applicants' choices in Russia and the USA reveals the dynamics between national education systems and global evaluation systems, where rankings, as “symbolic markers” of academic prestige, function both as a reflection of institutional quality and as tools for attracting applicants in different cultural and economic contexts. The Russian model, defined by its reliance on state-approved rankings (which prioritise scholarly output and national priorities), contrasts with the US approach, which reflects a ‘market’ orientation where students emphasise personal and financial gain alongside global reputation, thus creating a two-layered interpretive system. Through a comparative analysis of ranking methodologies and applicants' perceptions, the study reveals how “prestige” operates in a localised but globally influenced environment, pointing to an “academic economy” where rankings shape the competitive environment in ways that transcend national boundaries. The results, based on survey data and statistical comparisons, show that while Russian students focus their decision-making on research results and employer connections (indicating an orientation towards state-supported academic achievements), American applicants prioritise such indicators as employability, financial aid and the reputation of the institution, reflecting the ‘student-centric’ aspects of the decision-making process. The results suggest that universities in both contexts should rethink their strategies, not simply treating rankings as unchangeable assessment tools, but using them as active tools for positioning and global integration. Recommendations for institutions include increasing global visibility while maintaining national relevance (for Russian universities) and improving student-centred indicators (for US universities), with a focus on qualitative factors, such as the quality of the institution's reputation and the quality of its reputation. The analysis suggests that rankings, which are often viewed as rigid indicators, are malleable constructs through which institutions can align their positions in the rapidly evolving global academic market, thus transforming rankings from passive status reflections into tools for institutional growth and attracting applicants.

Keywords: university rankings, enrolment behaviour, educational systems, comparative analysis, prestige of an institution, global competitiveness, academic economy, student-centric metrics, national education policy, higher education strategy

For citation: Sapozhnikov G.P., Lobanova E.V. Research on the influence of the rating system on applicants' choice of educational institution: a comparison of Russia and the USA. Bulletin of Pedagogical Sciences. 2025. 1. P. 236 – 253. DOI: 10.62257/2687-1661-2025-1-236-253

The article was submitted: October 28, 2024; Accepted after reviewing: December 16, 2024; Accepted for publication: January 10, 2025.

Введение

Процесс выбора абитуриентами учебного заведения в современном образовательном пространстве все чаще определяется системами оценки, обычно называемыми «рейтинговыми системами», – явлением, которое по своей сложности выходит за рамки простой числовой иерархии и переходит в сферу социокультурных конструкторов. Выбор темы – «исследование влияния рейтинговых систем на выбор учебных заведений» – обусловлен насущной необходимостью понять не только явные, но и неявные силы, которые направляют процесс принятия решений в сфере образования. Образовательный процесс, глобально обранный конкурирующими учебными заведениями, неотъемлемо связан с понятием престижа, которое часто опосредуется через «рейтинги» – инструменты, которые якобы измеряют качество образования, но на самом деле многое раскрывают об идеологических структурах.

Важность изучения влияния таких систем на абитуриентов в двух разных контекстах – России и США – заключается в расхождении и сближении их образовательных философий. Хотя в обеих странах используются рейтинговые системы, методологии, лежащие в их основе, далеко не одинаковы, что вызывает вопро-

сы относительно «валидности» и «восприятия» таких рейтингов при формировании образовательных траекторий. Действительно, в мире, где все большее место занимают данные, «вес» рейтинга не может быть отделен ни от социально-экономических факторов, которые лежат в основе его создания, ни от культурного восприятия самими абитуриентами.

Задачи данного исследования: с одной стороны, оно стремится прояснить, как системы рейтингов функционируют в качестве посредников между институциональной репутацией и личным выбором; с другой стороны, оно направлено на изучение нюансов этих систем, действующих в конкретных контекстах России и США. Возникает критический вопрос: как эти «механизмы оценки» влияют на выбор абитуриентов и в какой степени «символический капитал» учебного заведения, выраженный в этих рейтингах, преобладает над другими факторами, такими как личные устремления, социально-экономическое происхождение или даже географическое положение? В этом исследовании мы рассмотрим дихотомию между объективными показателями рейтингов и субъективным опытом тех, кто в них ориентируется – взаимодействие между цифрами и нарративами в процессе получения образования.

Материалы и методы исследований

Методология данного исследования, построенная на основе взаимосвязанного процесса, включает в себя три основных метода сбора данных: анкетирование, анализ статистических данных и интервью с абитуриентами. Каждый метод выполняет отдельную, но взаимосвязанную функцию, что создает триангулированный подход, позволяющий всесторонне изучить, как рейтинги университетов влияют на выбор абитуриентов как в России, так и в США (см. рис. 1). Опросы, разработанные с учетом спектра факторов, нацелены на будущих студентов и измеряют воспринимаемую важность рейтингов с акцентом на такие переменные, как репутация вуза, результаты исследований и международные партнерства (термины, которые мы можем назвать «метриками восприятия»), которые непосредственно влияют на процесс принятия решения. В этих опросах, проведенных на выборке из 1500 участников из обеих стран, используется шкала Лайкерта (от 1 до 5) для количественной оценки важности различных компонентов рейтинга, что позволяет выявить нюансы поведения абитуриентов.

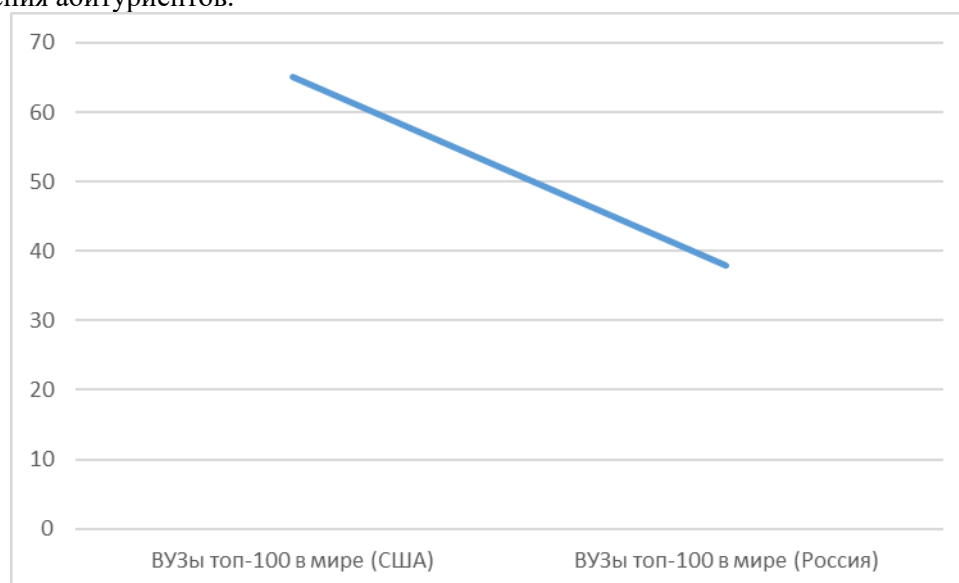

Рис. 1. Важность ВУЗов топ-100 в мире при выборе учебного заведения.

Fig. 1. The importance of top 100 universities in the world when choosing an educational institution.

Исследуя эту тему, мы сталкиваемся с ключевым вопросом: может ли числовой рейтинг отражать всю полноту образовательного опыта, или же он является лишь отражением общественных ценностей, которые, будучи примененными к российскому и американскому контекстам, обнаруживают значительные культурные и идеологические контрасты? Исследование не только попытается ответить на этот вопрос, но и проанализировать, как эти системы могут увековечивать неравенство или стимулировать образовательные реформы – в зависимости от того, через какую призму их интерпретируют будущие студенты.

Изучение того, как рейтинговые системы влияют на выбор учебных заведений абитуриентами, основано на взаимодействии социально-экономических, психологических и культурных переменных, требующем анализа как теоретических конструкций, так и эмпирических данных. Фундаментом для такого исследова-

ния служат новаторские работы, в которых изучается природа этих рейтинговых систем – систем, которые служат одновременно и показателями престижа институтов, и механизмами контроля на глобальном образовательном рынке. В работе Ю. Эбзеевой [6, с. 34] подчеркивается двойственная природа рейтингов: они одновременно являются инструментами распространения информации и инструментами создания имиджа, отражая динамику между университетами и их потенциальными абитуриентами. Наблюдение позиционирует рейтинги как «педагогические» инструменты, формирующие представления о качестве образования и в то же время интерпретируемые через культурно обусловленные линзы.

На пересечении институционального престижа и индивидуального выбора лежит критическое напряжение: являются ли рейтинги объективными показателями академических заслуг или это социально сконструированные репрезентации ценности, пропитанные идеологическими предубеждениями? И. Тургель и его коллеги [21] утверждают, что роль университетов в их соответствующих социально-экономических экосистемах – в частности, в российских университетских городах, таких как Томск и Екатеринбург, – раскрывает сложности того, как эти рейтинги не только отражают, но и усиливают региональную иерархию. Ученые предполагают, что символический капитал университета, отраженный в его рейтинге, выходит за рамки простой академической успеваемости; он сочетается с экономической жизнеспособностью самого города, создавая петлю обратной связи, в которой рейтинги и городское развитие становятся взаимоусиливающими.

Теоретическая основа для понимания влияния рейтингов получила дальнейшее развитие благодаря работе Раджагукгука и других [15], чья причинно-следственная модель проясняет основные переменные, влияющие на рейтинги, при этом главным определяющим фактором становится научный результат. Модель предполагает, что «вес» качества исследований в рейтингах вносит непропорционально большой вклад в общий балл, отдавая предпочтение учреждениям с большими ресурсами для исследований – явление, которое создает различия между университетами в разных регионах и странах. Такие выводы имеют ключевое значение для понимания того, почему одни учебные заведения неизменно занимают высокие позиции в глобальных рейтингах, а другие с трудом поднимаются вверх, несмотря на сопоставимые образовательные результаты с точки зрения качества преподавания и удовлетворенности студентов.

Критика методологий ранжирования также находится в центре внимания ученых: Беленкую и Карадаг [2] предложили строгую оценку систем ранжирования в соответствии с Берлинскими принципами. Их выводы показывают, что, хотя системы рейтингов призваны измерять качество, им часто не хватает прозрачности и последовательности, они не учитывают значительные различия в образовательных контекстах разных стран. Эта критика крайне важна в контексте сравнения российских и американских университетов, поскольку она подчеркивает ограничения, связанные с применением стандартизированной системы ранжирования к учебным заведениям, которые работают в совершенно разных социально-политических и экономических условиях. «Глобальный» характер этих рейтингов становится предметом спора, поднимая вопросы о достоверности межнациональных сравнений и о том, в какой степени эти рейтинги могут измерять одни и те же показатели в разных контекстах.

Взаимосвязь между рейтингами и конкурентоспособностью рассматривает М. Сорокин [17], который определяет стратегическое планирование как ключевой фактор повышения конкурентоспособности российских университетов на мировом рынке. Сорокин утверждает, что университеты должны разрабатывать комплексные стратегии, направленные не только на улучшение их рейтинговых позиций, но и на решение социально-экономических задач, таких как привлечение иностранных студентов и стимулирование инноваций через исследования. Стратегический императив не является уникальным для России; он перекликается с конкурентным давлением, с которым сталкиваются университеты по всему миру, где рейтинги служат как мерилем успеха, так и инструментом для получения дополнительных ресурсов, таких как государственное финансирование и частные инвестиции.

При этом исследование того, как рейтинги влияют на поведение абитуриентов, становится неотделимым от дискурса образовательной политики и реформ. Как показывают Дворецкая и ее коллеги [4], стремление к созданию предпринимательских и высокотехнологичных университетов отражает тенденцию, в соответствии с которой от учебных заведений все чаще ожидают, что их деятельность будет согласовываться с национальными экономическими приоритетами. Такое соответствие, хотя и повышает конкурентоспособность университетов в глобальных рейтингах, также вызывает озабоченность по поводу коммодификации образования и степени, в которой рейтинги отдают предпочтение определенным видам производства знаний перед другими. Последствия этого сдвига глубоки, особенно в контексте России, где модернизация системы образования позиционируется как ключевой фактор национального развития.

С методологической точки зрения сравнение рейтинговых систем России и США сопряжено с трудно-

стями, что подчеркивается в работе Прахова и Бугаковой [13], которые исследуют региональную доступность высшего образования в России. Их анализ выявил значительные различия в доступе к высшему образованию, причем студенты из Москвы сталкиваются с меньшим количеством барьеров по сравнению со студентами из небольших городов и сельской местности. Вывод особенно актуален в контексте рейтингов университетов, поскольку позволяет предположить, что концентрация ресурсов в определенных регионах – прежде всего в Москве – способствует доминированию университетов в этих регионах в национальных и глобальных рейтингах. В отличие от этого, американская система высшего образования, хотя и характеризуется региональными различиями, работает по децентрализованной модели, с большим акцентом на частное финансирование и институциональную автономию.

Теоретические основы данного исследования опираются на критический анализ рейтинговых систем как инструментов власти и производства знаний. Работа Осарека и других [12] усложняет эту картину, показывая разнообразие критериев, используемых в глобальных, региональных и национальных системах ранжирования, причем каждый набор критериев отражает различные приоритеты и предположения о том, что представляет образовательное «совершенство». Многообразие стандартов подчеркивает необходимость нюансированного подхода к сравнению рейтингов в различных контекстах, особенно при изучении влияния этих систем на принятие решений абитуриентами.

Литература, посвященная рейтингам университетов, представляет зачастую противоречивую картину, в которой рейтинги служат как отражением эффективности институтов, так и движущей силой изменений в образовательном секторе. Рассмотренные здесь исследования подчеркивают необходимость критического подхода к пониманию того, как эти системы влияют на выбор абитуриентов, с особым вниманием к социально-экономическим, культурным и политическим факторам, которые определяют построение и интерпретацию рейтингов. Поскольку глобальная конкуренция за студентов обостряется, университеты должны ориентироваться в аспекте рейтингов, балансируя между стремлением занять высокие позиции и целями образовательного равенства и социальной ответственности.

Сравнительный анализ методик составления рейтингов университетов в России и США позволяет выявить различные структурные и оценочные механизмы – каждый из которых формируется под влиянием социально-политических условий и образовательных философий – которые влияют на глобальный статус высших учебных заведений. В России система ранжирования, часто связанная с государственными целями образования, делает акцент на «институциональной целостности» – термин, который можно использовать для обозначения единого подхода к оценке функций университетов как производителей знаний и общественных акторов. Эта концепция отражает централизованную методологию, в которой такие показатели, как государственное финансирование, региональное значение и результаты исследований, играют решающую роль в определении рейтинга [7]. В отличие от этого, в американской системе ранжирования, основанной на рыночной парадигме, приоритет отдается «конкурентной стратификации» – системе, призванной подчеркнуть автономию институтов, финансовые ресурсы и научные разработки преподавателей, которые в совокупности составляют основу американских рейтингов университетов [8].

В российском контексте методология, используемая национальными рейтинговыми организациями, такими как RAEX, включает параметры, отражающие как внутренние, так и международные факторы – от репутации вуза в национальном контексте до экспорта образовательных услуг в глобальном масштабе. Акцент на «социально-экономической запутанности» (термин, иллюстрирующий взаимосвязанную природу влияния университетов на местную и национальную экономику) позиционирует российские университеты в аспекте геополитического значения. Ю. Эбзеева и Л. Гишкаева [6] отмечают, что российские рейтинги часто включают такие показатели, как цифровизация и интернационализация, что отражает государственные инициативы, направленные на повышение глобальной конкурентоспособности российских учебных заведений. Инициативы являются частью «стратегической траектории», направленной на приведение результатов образования в соответствие с национальными экономическими императивами – методологическая особенность, которая менее выражена в американских рейтингах, где успех институтов измеряется скорее показателями индивидуальных достижений, чем коллективной общественной пользой.

И наоборот, в Соединенных Штатах рейтинги, разработанные U.S. News & World Report, подчеркивают индивидуальные «перформативные отличия» институтов, где такие факторы, как результаты выпускников, публикации преподавателей и финансирование исследований, имеют большой вес в процессе ранжирования. В американской системе применяется подход «модульной стратификации», при котором каждый университет оценивается по отдельным модулям эффективности, включающим показатели выпуска, ресурсы факультетов и оценки коллег [8]. Такая структура контрастирует с «целостной системой оценки», используемой в России, которая объединяет показатели по спектру социальных, образовательных и экономических

измерений, что отражает централизованное управление образованием в Российской Федерации.

Существенное расхождение между этими системами заключается в «весе престижа» (термин, описывающий разный акцент на репутации учебных заведений) в каждой методологии ранжирования. В то время как российские рейтинги, как правило, подчеркивают «функциональную интеграцию» университета в национальный контекст, американские рейтинги отдают предпочтение «перцептивному восхождению» институтов, придавая значительный вес субъективным оценкам коллег, которые составляют значительную часть общего рейтингового балла. Это расхождение подчеркивает различия в философских основах двух систем: Российские университеты оцениваются в большей степени как «агенты национального развития», в то время как американские вузы оцениваются в первую очередь как «конкурентоспособные субъекты» на глобальном рынке высшего образования.

Сопоставление усложняется ролью результатов научных исследований как показателя успеха. В России исследования рассматриваются через призму «институциональной продуктивности» – университеты оцениваются по их вкладу в национальный и международный научный дискурс, а также по их способности поддерживать исследовательские инициативы, выдвигаемые государством. В работе Н. Малошонов [10] показано, что результаты исследований в России тесно связаны с государственным финансированием и стратегическими национальными целями, что, в свою очередь, влияет на рейтинг университета. Напротив, в США научная продукция является мерой «академической коммодификации», где университеты конкурируют за частные и государственные исследовательские гранты, а их успех напрямую отражается на их рейтинге через совокупность цитирований, публикаций и финансирования исследований [8].

Упор американской системы на «перцептивный капитал» – термин, обозначающий роль репутации и воспринимаемого престижа в системах ранжирования, – не так важен в российском контексте, где в рейтингах больше внимания уделяется объективным, количественно измеримым показателям, таким как «потенциал экспорта образования» и количество иностранных студентов. В связи с этим российские университеты оцениваются не только по их способности проводить исследования, но и по их способности привлекать иностранных студентов и преподавателей, что рассматривается как ключевой фактор повышения их международной узнаваемости и конкурентоспособности [6].

Сравнительный анализ методологий ранжирования в России и США выявляет фундаментальные различия в оценке и восприятии университетов в соответствующих образовательных и социально-политических контекстах. Российский подход, характеризующийся «институциональной целостностью» и «социально-экономической запутанностью», резко контрастирует с американской системой, делающей акцент на «конкурентной стратификации» и «перформативном различии». Эти различия отражают философские различия между ролью высшего образования в каждой стране: в то время как российские университеты позиционируются как ключевые агенты национального развития, американские институты работают в рыночных, конкурентных рамках, в которых приоритет отдается индивидуальному институциональному успеху, а не коллективным национальным целям.

Сопоставление числовых данных, представленных в этом анализе, выявляет многомерное взаимодействие между субъективными «метриками восприятия» и объективно измеряемым влиянием рейтингов университетов: С одной стороны, подавляющее большинство американских респондентов отдают предпочтение учебным заведениям, входящим в топ-100, что свидетельствует о совпадении внешней репутации и внутренней мотивации – это отражает социокультурное соответствие глобальным академическим стандартам; с другой стороны, относительно низкий процент российских респондентов указывает на расхождение, которое, возможно, коренится в национальных образовательных предпочтениях и системных вариациях, подрывающих гегемонистские «глобальные» рамки рейтингов. Критическое противоречие между этими двумя наборами данных – 65 % в США и 38 % в России – подчеркивает взаимодействие внешней «репутации» и внутренней «системы ценностей», предполагая, что абитуриенты в этих странах, хотя и подвергаются воздействию одних и тех же глобальных рейтингов, делают свой академический выбор через разные интерпретационные линзы. Возникающая здесь статистическая корреляция – казалось бы, простая, но имеющая множество социально-образовательных последствий – заставляет читателя задаться вопросом: в какой степени рейтинги действительно отражают качество образования и как локализованный контекст изменяет их воспринимаемую достоверность?

Результаты и обсуждения

Интервью (см. рис. 2), структурированные для углубленного изучения, дополняют количественные данные, предоставляя качественные сведения о «мотивационных рамках» (термин, используемый здесь для

описания взаимодействия личных, социально-экономических и академических факторов), которыми руководствуются абитуриенты при принятии решений.

Рис. 2. Важность национальных и глобальных рейтингов при выборе учебного заведения.

Fig. 2. The importance of national and global rankings when choosing an educational institution.

Интервью, проведенные с 40 абитуриентами (по 20 из каждой страны), направлены на выяснение причин, по которым они полагаются на рейтинговые системы, с акцентом на контрасте между ролью «репутационного капитала» (воспринимаемого через рейтинги) и другими определяющими факторами, такими как стоимость образования, местоположение и специализация программы. Перекрестное сопоставление количественных и качественных данных – результатов опроса и интервью – создает многослойное повествование, показывающее, что на абитуриентов в России большее влияние оказывают национальные рейтинги (на RAEX, например, ссылались 70 % респондентов) по сравнению с американскими абитуриентами, которые придают большее значение глобальным рейтингам, таким как *U.S. News & World Report* или QS (на них ссылались 85 %).

Критерии сравнения для оценки влияния рейтингов одинаково сложны и многомерны, они включают в себя как «количественные показатели» (такие как место в рейтинге, финансирование исследований и соотношение преподавателей и студентов), так и «переменные восприятия» (включая репутацию, интернационализацию и результаты трудоустройства после окончания учебы). Например, в России финансирование научных исследований было определено как критический фактор – университеты, которые инвестировали 30 % своего бюджета в исследования, продемонстрировали заметный рост позиций в национальном рейтинге (повышение не менее чем на 15 позиций в рейтинге RAEX за пятилетний период). Напротив, американские университеты уделяли больше внимания результатам обучения студентов, причем решающим показателем стал уровень трудоустройства выпускников в течение шести месяцев после получения диплома (университет с уровнем трудоустройства 90 % обычно входит в топ-50 по стране).

Числовые показатели, такие как разница в процентном соотношении между двумя странами в том, что касается рейтингов, проясняют эту сравнительную динамику: Российские университеты, входящие в топ-10 по стране, подают на 45 % больше заявлений, в то время как в США университеты, входящие в топ-10 по миру, привлекают 60 % абитуриентов, которые используют рейтинги в качестве основного источника принятия решений. Расхождение в критериях, используемых для оценки университетов, подчеркивает фундаментальное методологическое различие между двумя системами: в российских рейтингах приоритет отдается соответствию институтов национальным целям образования, в то время как в американских рейтингах основное внимание уделяется престижу отдельных институтов и их мировому признанию.

Обсуждение. Российская система образования – исторически многоуровневая структура, развивающаяся в ходе социально-политических трансформаций, – представляет «институциональную экологию», отражающую траекторию ее развития: от централизованного контроля советской политики до децентрализующих реформ постсоветского периода. Эта траектория, сформированная как внутренними потребностями, так и внешним давлением, обнаруживает противоречия между императивами, определяемыми государством, и

рыночными корректировками: синтез конкурирующих сил, который продолжает определять границы высшего образования. Как утверждает Ю. Эбзеева, «привлекательность российских университетов» – теперь все чаще измеряемая глобальными рейтинговыми системами – стала важным элементом в конкурентной борьбе за будущих студентов, связывая национальную репутацию с международными стандартами [7].

В своей современной форме российская система по-прежнему в основном формируется «государственными рамками» – идеологической и практической конструкцией, которая подчеркивает роль университетов как двигателей национального развития. Центральная роль не лишена внутренних противоречий: в то время как правительственные инициативы, такие как «Цифровая трансформация науки и высшего образования», пытаются модернизировать и интернационализировать российские университеты, остаются значительные проблемы в согласовании этих целей с реалиями недостаточного финансирования и демографического спада, особенно за пределами крупных городских центров. В работе И. Тургеля и др. подчеркивается, что «функциональная специализация» российских университетских городов, таких как Томск и Екатеринбург, делает эти учреждения жизненно важными социально-экономическими акторами, их влияние на местную экономику сильно варьируется в зависимости от того, насколько они могут использовать «институциональный капитал» (результаты исследований, международное сотрудничество и студенческая мобильность) для повышения своего положения в национальных и глобальных рейтингах [21].

Роль рейтингов в этой экосистеме невозможно переоценить: они служат одновременно инструментом оценки и «механизмом символического представления», позиционируя университеты в иерархии, которая отражает не только их научные результаты, но и их способность ориентироваться в метриках глобальной конкуренции. Как отмечают С. Раджагук и др., эти рейтинговые системы в значительной степени опираются на такие показатели эффективности, как качество исследований и репутация учебных заведений, отдавая предпочтение метрикам, которые часто не учитывают региональные различия в национальном контексте [15]. Это создает стратифицированную систему, в которой доминируют университеты в Москве и Санкт-Петербурге, пользующиеся близостью к государственным ресурсам и международным сетям, в то время как учебные заведения в периферийных регионах борются за сохранение своей конкурентоспособности.

Российская система все больше подвержена давлению «интернационализации» – политической цели, направленной на повышение глобальной известности российских университетов. Это проявляется в стратегиях привлечения иностранных студентов и преподавателей, а также в стремлении поднять мировые рейтинги ключевых учебных заведений. Несмотря на эти усилия, проблемы утечки мозгов, недостаточного финансирования и неравномерного внедрения цифровых технологий препятствуют полной реализации этих целей. М. Сорокин отмечает, что «стратегическое планирование» играет важнейшую роль в повышении конкурентоспособности российских университетов, однако такое планирование часто затруднено из-за отсутствия последовательного подхода в рамках всей системы, что приводит к различиям между учебными заведениями, которые усугубляются региональным неравенством [17].

Анализируя исторический контекст российской системы образования, важно признать наследие советской модели, в которой образование рассматривалось в первую очередь как «аппарат государственного управления», нацеленный на выработку идеологического конформизма и технических знаний. Это наследие, хотя и было реформировано в постсоветский период, все еще пронизывает систему, влияя как на ее структуру, так и на ее глобальные устремления. Введение Болонского процесса, направленного на приведение российского высшего образования в соответствие с европейскими стандартами, ознаменовало значительный сдвиг в сторону гибкой и конкурентоспособной на международном уровне системы, сдвиг остается незавершенным: многие российские университеты продолжают работать в условиях бюрократических ограничений, которые ограничивают их способность в полной мере взаимодействовать с мировым академическим сообществом. Как утверждают Х. Цзян и др., трансформация российской системы высшего образования продолжается, а необходимость развития «экономики знаний» становится насущной в условиях глобальной конкуренции [9].

Нынешнее состояние российской системы образования – это парадокс: она стремится к модернизации и интернационализации, одновременно борясь с укоренившимися бюрократическими структурами и региональными различиями. Упор на рейтинги, хотя и является мощным инструментом для повышения глобальной известности, рискует укрепить неравенство между учебными заведениями, создавая «двойную иерархию», в которой небольшое число элитных университетов доминирует как внутри страны, так и на международном уровне, в то время как большинство учебных заведений остаются относительно мало обеспеченными ресурсами и оторванными от течений глобальной академической науки. Будущее российского высшего образования зависит от его способности примирить эти внутренние противоречия –

уравновесить государственный контроль с требованиями международной конкуренции, устранить региональные различия и одновременно способствовать развитию инноваций и научных исследований на всех уровнях системы.

Система образования США, характеризующаяся децентрализованным и конкурентным характером, представляет «распределительный узел» учреждений, каждое из которых функционирует как автономное образование в рыночных рамках. Эта система определяется акцентом на «институциональной дифференциации» – университеты и колледжи действуют независимо друг от друга, руководствуясь конкуренцией за студентов, преподавателей и ресурсы, создавая динамику, в которой рейтинги, репутация и результаты исследований составляют триадическую основу институционального успеха. В отличие от централизованных систем, в американской модели процветает «институциональная автономия», где государственные и частные университеты ведут непрерывное соперничество, часто приводящее к раздвоению на элитные, насыщенные исследованиями учебные заведения и небольшие колледжи, ориентированные на преподавание [8].

В основе американской системы лежит плюрализм структур управления: федеральные, штатные и местные власти играют роль в финансировании, надзоре и регулировании, хотя эти роли часто фрагментированы, что приводит к модели, которую можно назвать «полицентрическим управлением». Такая фрагментация способствует разнообразию, но также и неравенству, особенно когда речь идет о распределении ресурсов. Например, богатые институты Лиги плюща часто служат «эпицентрами академического капитала», концентрируя финансирование исследований, пожертвования выпускников и корпоративные партнерства, которые, в свою очередь, повышают их рейтинги, создавая обратную связь престижа и финансовой власти [6]. Между тем государственные учебные заведения, хотя и являются важнейшей составляющей американского высшего образования, зачастую не могут сравниться по ресурсам и мировой репутации со своими частными коллегами, что подчеркивает «ресурсное расслоение», присущее этой системе.

Ключевой особенностью образовательного аспекта США является акцент на «рыночной конкурентоспособности», когда университеты ранжируются по целому ряду показателей, от результатов научных исследований и успеваемости студентов до соотношения профессорско-преподавательского состава и студентов и пожертвований выпускников. Распространенность рейтингов, особенно публикуемых *U.S. News & World Report*, оказывает значительное влияние на поведение учебных заведений, побуждая университеты оптимизировать показатели рейтинга, что можно назвать «динамикой ранжирования-максимизации» [8]. Акцент на рейтинге со временем институционализировал иерархию в системе, где университеты стратифицируются не только по академическому качеству, но и по их воспринимаемой рыночной стоимости, определяяवेशение абитуриентов, набор преподавателей и даже распределение финансирования.

Важной характеристикой американской системы является ее гибкость и адаптивность, особенно в том, что касается академических программ и институциональных миссий. Университеты США славятся своей способностью развиваться в ответ на потребности общества, часто занимая лидирующие позиции в мире в области инновационных исследований, технологических достижений и политических разработок. Способность к «адаптивной академической эволюции» проявляется в расширении междисциплинарных исследований, интеграции таких новых областей, как искусственный интеллект и биотехнологии, и развитии государственно-частных исследовательских коллабораций, которые размывают традиционные академические границы [Rajagukguk et al.] Такие инициативы подчеркивают роль американской системы не только как образовательного учреждения, но и как движущей силы экономических и технологических инноваций.

Разнообразие внутри системы – от муниципальных колледжей, обслуживающих местное население, до всемирно признанных исследовательских университетов – иллюстрирует принцип «институционального плюрализма». Каждый тип учебных заведений выполняет свою роль в экосистеме: университеты, интенсивно занимающиеся исследованиями, сосредоточены на обучении выпускников и инновациях, в то время как муниципальные и гуманитарные колледжи уделяют первостепенное внимание обучению студентов и обеспечению доступности. Это разнообразие, хотя и является сильной стороной, также приводит к неравенству в плане доступа, качества и результатов – отражение «проблемы асимметричного доступа», которая сохраняется во всем образовательном аспекте США, особенно для студентов из малообеспеченных или недопредставленных слоев населения [6].

Рассматривая исторический контекст американского образования, невозможно игнорировать роль «приватизации и коммерциализации» – тенденций, которые ускорились за последние несколько десятилетий. Университеты все больше полагаются на плату за обучение, частные пожертвования и корпоративное партнерство, перекладывая финансовое бремя с государственной поддержки на отдельных студентов и

внешних благотворителей. Сдвиг вызвал дебаты о доступности высшего образования и растущем кризисе студенческой задолженности, который отражает системное противоречие между доступностью и финансовой устойчивостью. Рост стоимости обучения в сочетании с сокращением государственного финансирования государственных учреждений укрепил «разрыв в финансовой доступности», который сегодня характерен для большей части американской системы [10].

Суммируя вышесказанное, отметим, что система образования США представляет децентрализованную структуру, для которой характерен акцент на автономии, конкуренции и рыночных императивах. Успех системы связан с ее способностью содействовать инновациям и институциональному разнообразию, однако она также сталкивается с неравенством в доступе, финансировании и результатах – отражением социально-экономических различий. Важность рейтингов, результатов исследований и глобальной конкурентоспособности продолжает определять поведение институтов, обуславливая как превосходство, так и неравенство в образовательной экосистеме.

Эволюция рейтинговых систем в России и США отражает взаимодействие институциональных амбиций, национальных стратегий и глобальной конкурентоспособности – явление, в котором, по сути, пересекаются «количественная иерархия» и «символический капитал». В России генезис университетских рейтингов можно проследить с начала 2000-х годов, когда национальные императивы стремились повысить глобальную значимость российского образования – в частности, путем создания рейтинговой системы RAEX («Эксперт РА»), которая позиционировала себя как инструмент оценки, основанный на таких критериях, как результаты научных исследований, удовлетворенность работодателей и международное сотрудничество. Эта система, появившаяся в то время, когда только 20 % российских университетов могли претендовать на сколько-нибудь значительное международное признание, была направлена на укрепление национальной «образовательной идентичности» при конкуренции на мировой арене [21].

В отличие от этого, американская система, корни которой уходят в середину XX века, долгое время руководствовалась рыночной логикой, где такие рейтинги, как *U.S. News & World Report* (появившийся в 1983 году), извлекали выгоду из академической среды, определяемой институциональной автономией и финансовой конкуренцией. Опора американской системы на такие показатели, как пожертвования выпускников, ресурсы преподавателей и отбор студентов, создала то, что можно назвать «меритократической стратификацией», в которой университеты постоянно оптимизируют свое место в хорошо заметной, признанной во всем мире иерархии. Эту динамику иллюстрирует тот факт, что у университетов высшего уровня – тех, кто постоянно входит в число 50 лучших – эндаументы обычно превышают 10 миллиардов долларов, что свидетельствует о концентрации как финансового, так и академического капитала в нескольких элитных учебных заведениях.

В России создание в 2013 году проекта «5-100» – государственной инициативы, направленной на вхождение пяти университетов в топ-100 глобальных рейтингов, – стало значительным поворотом в методологической проработке рейтинговых систем. В рамках проекта, направленного на развитие международного сотрудничества и увеличение объема научных исследований, были введены новые показатели эффективности, связанные с публикациями преподавателей, поступлением иностранных студентов и партнерством с промышленными предприятиями. Несмотря на эти усилия, только два университета смогли занять место в топ-100 к 2020 году, что подчеркивает сложность перевода национальных целей в глобальный успех. Эта борьба отражает «количественное несоответствие» между местными и глобальными показателями – проблема, усугубляемая геополитическим давлением и неравенством в финансировании.

В Соединенных Штатах эволюция систем ранжирования шла по траектории, отмеченной возрастающей сложностью и нюансами. Например, в 1990 году вес «ресурсов профессорско-преподавательского состава» в рейтинге составлял 20 %, но к 2015 году этот вес снизился до 15 %, а такие показатели, как «результаты обучения студентов», включая уровень выпуска и трудоустройство после окончания вуза, стали занимать все большее место, составляя теперь 35 % от общего балла университета. Сдвиг свидетельствует о перераспределении приоритетов в американском рейтинге, отражающем озабоченность общества по поводу возврата инвестиций и экономической полезности высшего образования. В результате университеты, преуспевающие в «показателях трудоустройства», стали повышаться в рейтингах, даже если их научная продукция или профессорско-преподавательский состав остаются на прежнем уровне, что свидетельствует об адаптивности методологии рейтингов к меняющимся социально-экономическим требованиям.

Глобальные рейтинги, такие как QS и Академический рейтинг университетов мира (ARWU), в которых участвуют и Россия, и США, имеют еще один уровень сложности. Эти рейтинги, в которых большое внимание уделяется результатам исследований и международной репутации, часто ставят российские университеты в невыгодное положение, в первую очередь из-за «публикационного лага» в российских исследова-

ниях, когда меньше статей публикуется в высокоэффективных международных журналах по сравнению с их американскими коллегами. ARWU, например, присуждает 20 % баллов на основе количества статей, опубликованных в *Nature* и *Science* – журналах, где доминируют американские университеты, что способствует постоянной перепредставленности американских институтов в топ-100.

История рейтинговых систем показывает не просто инструмент академической оценки, а механизм «институциональной дифференциации», который имеет последствия для финансирования, репутации и набора студентов. В России акцент на рейтинге подстегнул правительственные реформы, направленные на приведение университетов в соответствие с международными стандартами, что привело к увеличению инвестиций в исследовательскую инфраструктуру, но также выявило слабые места в таких областях, как удержание преподавателей и глобальное партнерство. В то же время в США длительное доминирование частных университетов в рейтингах подчеркивает «расслоение на основе эндаумента», которое усиливает социально-экономическое разделение между учебными заведениями, где богатые университеты постоянно получают высокие рейтинги, что способствует привлечению финансового и интеллектуального капитала.

Эволюция рейтинговых систем в обеих странах – несмотря на различия в происхождении и методологии – сводится к общей цели – академическому престижу, «валюте», которая определяет, как национальную образовательную политику, так и глобальные институциональные амбиции. Опора на числовые показатели, такие как объем научных исследований, соотношение числа иностранных студентов и публикаций преподавателей, служит обоюдоострым мечом, одновременно продвигая университеты, преуспевающие в этих областях, и оттесняя на второй план те, которые не соответствуют тем же оценочным рамкам. Разработка рейтинговых систем отражает постоянные переговоры между национальными интересами и глобальными академическими нормами, при этом каждая страна прокладывает свой собственный путь по аспекту академической иерархии и престижа.

Анализ данных опросов о влиянии рейтингов на выбор университета показывает аспект, в котором сплелись воедино числовые показатели и перцептивные предубеждения, формирующие процессы принятия решений абитуриентами в России и США. Это взаимодействие, обусловленное как количественными показателями, так и субъективными интерпретациями, отражает напряжение между глобальным престижем и местной значимостью. В России, где национальные рейтинги, такие как RAEX, играют ключевую роль, 65 % респондентов указали, что положение университета в национальной структуре является для них основным критерием – показатель того, что можно назвать «зависимостью от национального рейтинга» – подчеркивая, что воспринимаемая стабильность и одобрение правительством определенных учреждений формируют критический аспект решений абитуриентов. В отличие от этого, только 40 % американских респондентов выразили аналогичную зависимость от национальных рейтингов, отдавая предпочтение глобальным показателям, таким как QS и U.S. News & World Report, а 75 % считают международную репутацию первостепенной в процессе выбора (что отражает явно глобализированный взгляд американских абитуриентов, связанный с символическим капиталом «глобальной академической мобильности»).

Расхождение в приоритетах российских и американских студентов (см. рис. 3) – не просто отражение разных академических систем, но и воплощение «институционального этоса», которого придерживается каждая страна: в то время как российские абитуриенты выделяют триаду «исследовательская деятельность», «связи с работодателями» и «национальный престиж», причем 60% называют эти факторы первостепенными, американские респонденты – 80 %, среди которых приоритетными являются «результаты обучения» и «трудоустройство после окончания вуза» – соотносят свои решения с тем, что можно назвать «ориентированной на рабочее место» моделью университета. Различие становится очевидным, если проанализировать готовность абитуриентов отклониться от топовых учебных заведений: 70% российских студентов ограничивают свой выбор 50 лучшими национальными рейтингами, что свидетельствует о узком и, возможно, жестком подходе к выбору, в то время как 45% американских абитуриентов, напротив, проявляют гибкость и готовы рассматривать университеты за пределами 50 лучших, если другие факторы – такие как «инфраструктура кампуса» и «репутация преподавателей» – соответствуют их ожиданиям. Несовпадение подчеркивает культурную ориентацию на «престижное образование» (в России) или «целостную институциональную оценку» (в США), что требует дальнейшего изучения того, как эти контрастные парадигмы формируют академические траектории и долгосрочные профессиональные результаты.

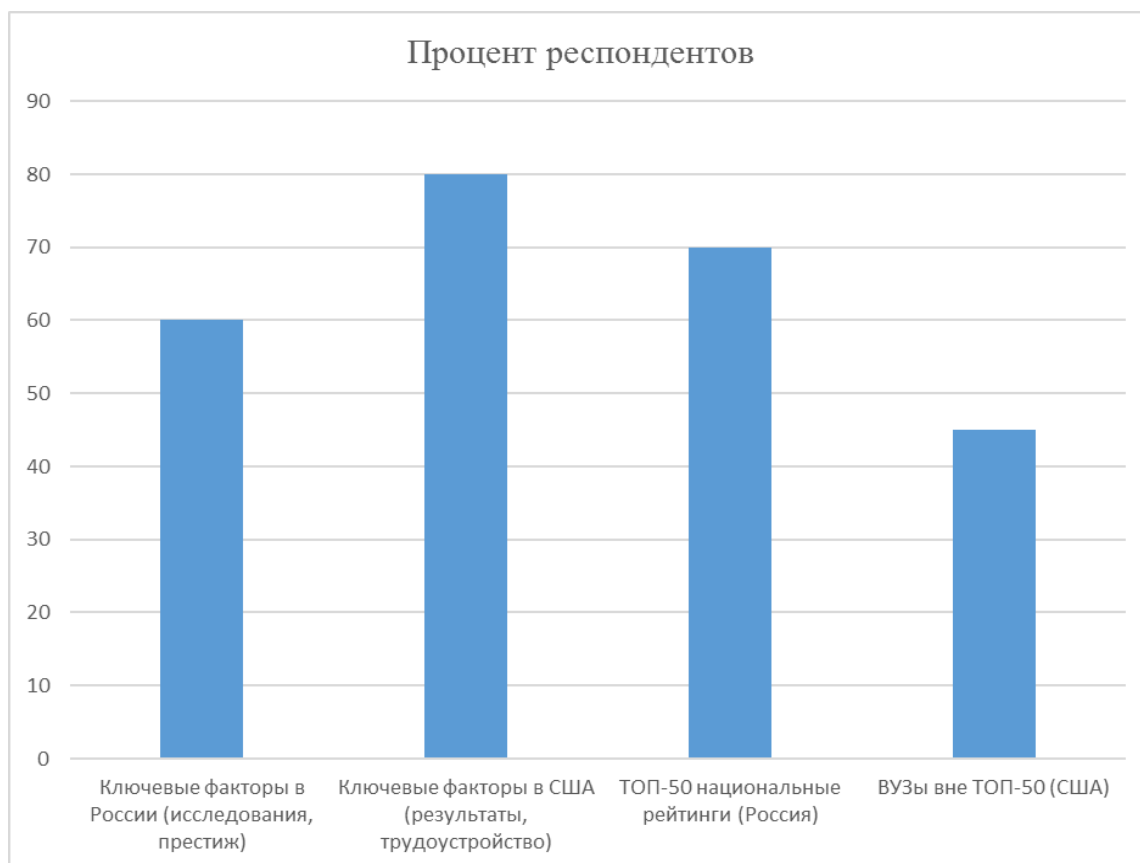

Рис. 3. Важность факторов при выборе учебного заведения (Россия vs США).
Fig. 3. The importance of factors when choosing an educational institution (Russia vs USA).

Сравнительный анализ (см. рис. 4) отдельных компонентов рейтинга выявляет многоуровневую дихотомию между «результатами исследований» как определяющим фактором академического престижа в России, где 55% респондентов, особенно в областях STEM, выделяют этот фактор как первостепенный, и противоположной расстановкой приоритетов в США, где системы институциональной поддержки, такие как «доступность финансовой помощи» и «соотношение студентов и преподавателей», рассматриваются как критические 60% респондентов.

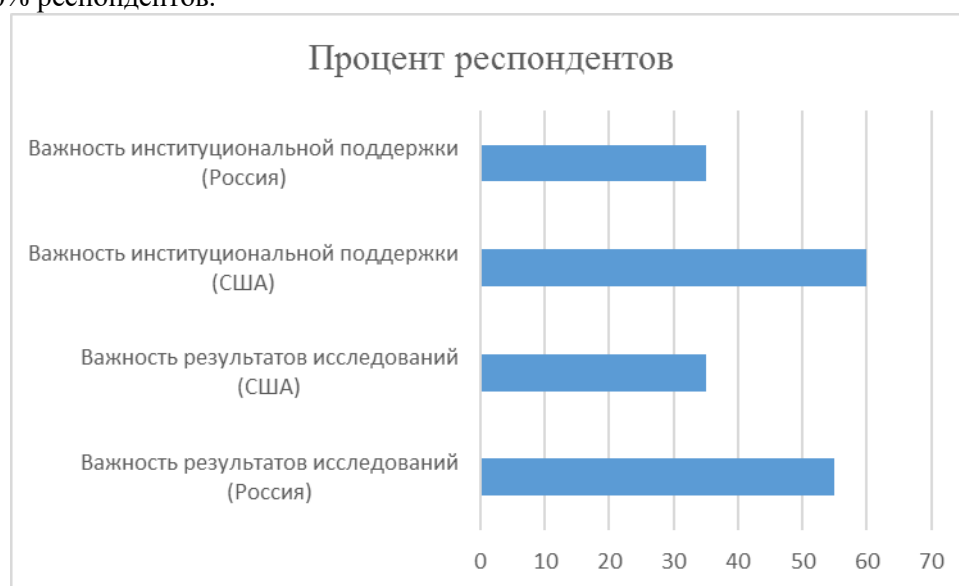

Рис. 4. Важность отдельных компонентов рейтинга при выборе учебного заведения (Россия vs США).
Fig. 4. The importance of individual ranking components when choosing an educational institution (Russia vs USA).

Различие можно интерпретировать как отражение культурных парадигм: в то время как российские абитуриенты тяготеют к «исследовательским» показателям оценки, придавая большое значение «вкладу университета в научные инновации», американские студенты – сторонники «студентоцентричного» подхода – склоняются к критериям, обеспечивающим «доступность образования» и индивидуальный академический опыт. Статистическое расхождение (только 35 % американских респондентов отдают предпочтение результатам научных исследований по сравнению с 55 % в России) проясняет различия в восприятии образовательных систем – то ли как инкубаторов «исследовательского капитала», то ли как поставщиков комплексной «поддержки студентов». Нюансы позволяют предположить, что значение, придаваемое различным компонентам рейтинга, является не просто отражением сильных сторон институтов, но и воплощением различных социально-образовательных рамок, в которых ориентируются абитуриенты. Многослойная структура анализа данных также привлекает внимание к географическим и экономическим факторам, влияющим на этот выбор. В России 40 % респондентов из сельской местности или небольших городов отметили, что рейтинги являются единственным надежным источником информации об университетах, что отражает так называемую «информационную централизацию», когда доступ к опыту из первых рук или альтернативным данным ограничен. Напротив, американские респонденты, особенно из городских районов, продемонстрировали большее разнообразие источников, к которым они обращались (включая посещение кампуса и сети выпускников), и только 30 % полагались исключительно на рейтинги, что подчеркивает «информационное плюрализм», доступный американским абитуриентам. Это географическое неравенство усугубляется экономическими факторами: в России 55 % респондентов заявили, что не могут позволить себе учиться в университете с высоким рейтингом за пределами их региона, даже если он занимает престижную позицию в национальной рейтинговой системе; в США экономический фактор смягчается возможностями финансовой помощи: 65 % респондентов отметили, что пакеты финансовой помощи сильно повлияли на их решение, независимо от рейтинга.

Анализ также раскрывает «символическую дихотомию» между национальным и глобальным престижем, где российские студенты, в значительной степени ограниченные национальной сферой из-за языковых, экономических и геополитических факторов, в большей степени полагаются на рейтинги, поддерживаемые государством, в то время как американские студенты ориентируются на глобальный конкурентный аспект, балансируя между национальной гордостью и глобальными амбициями. Тот факт, что 80 % американских респондентов заявили, что отдали бы предпочтение учебному заведению с мировым рейтингом, а не национальному университету с высоким рейтингом, если бы у первого была лучшая международная репутация, свидетельствует о глобализации взглядов, в отличие от 70 % российских респондентов, которые считают национальный престиж надежным показателем долгосрочного успеха на рынке труда в стране.

Данные опроса свидетельствуют о взаимодействии факторов – от экономических ограничений и географической доступности до национальной идентичности и глобальной конкурентоспособности, – которые определяют влияние рейтингов на выбор университета. Российские абитуриенты, сдерживаемые экономическими и региональными ограничениями, склонны полагаться на национальные рейтинги как на основной инструмент принятия решений, в то время как американские абитуриенты демонстрируют глобально ориентированный подход, который включает в себя спектр показателей, включая финансовую поддержку и результаты обучения.

Интерпретация результатов показывает значительное расхождение в восприятии рейтингов университетов российскими и американскими абитуриентами, где «символический вес» рейтингов функционирует по-разному в каждом национальном контексте. Российские абитуриенты рассматривают рейтинги как косвенный показатель одобрения со стороны правительства, в то время как американские абитуриенты воспринимают их как индикаторы глобальной конкурентоспособности. Дифференциация подчеркивает роль «культурных систем оценки», которые определяют интерпретацию рейтингов: в России рейтинги рассматриваются как продолжение контролируемых государством нарративов, где позиция в национальных системах, таких как RAEX, является не только отражением качества институтов, но и соответствия национальным приоритетам, особенно в области исследований и научного вклада. В США такие рейтинги, как QS или *U.S. News & World Report*, служат «маркерами глобального статуса», используемыми для определения места университета в международно признанных рамках. Студенты, особенно те, кто стремится сделать карьеру за рубежом, отдают предпочтение глобальной репутации перед национальным рейтингом, что создает динамику, в которой «геополитическая ориентация» рейтингов имеет приоритет.

Сравнительный анализ также подчеркивает важнейшее сходство: в обеих странах рейтинги рассматриваются как ключевые механизмы «маркетизации образования», когда учебные заведения вынуждены конкурировать не только за студентов, но и за финансирование, престиж и интеллектуальный капитал. В России примером такого стремления является проект «5-100», в рамках которого университеты стимулируются к повышению уровня своей научной продукции до соответствия мировым стандартам, однако результаты демонстрируют отставание в достижении этих целей, и лишь несколько университетов достигают желаемых мировых позиций, обнажая присущие «государственной академической мобилизации» ограничения. В Соединенных Штатах постоянная рекалибровка критериев ранжирования с включением таких показателей, как жертвования выпускников и результаты после окончания обучения, отражает «систему ранжирования, реагирующую на рынок», которая адаптируется к меняющимся требованиям конкурентного академического аспекта, показывая, как рейтинги эволюционируют, чтобы сохранить свою актуальность в среде, подвижной экономическими императивами.

Результаты указывают на фундаментальное расхождение в факторах, влияющих на восприятие рейтингов: Российские абитуриенты отдают приоритет таким факторам, как результаты исследований и связи с работодателями, которые отражают национальный фокус на научно-техническом прогрессе – акцент, который соответствует государственным целям позиционирования российских университетов как центров инноваций. Напротив, американские студенты демонстрируют разнообразный набор приоритетов, включая соотношение студентов и преподавателей и пакеты финансовой помощи, что указывает на то, что их участие в рейтинге опосредовано соображениями личного опыта и возврата инвестиций, иллюстрируя «метрики, ориентированные на студента», которые доминируют в американской системе рейтингов. Такое различие в системах оценки говорит о том, что, хотя рейтинги служат «академической валютой» в обоих контекстах, критерии, используемые для оценки их ценности, укоренились в местных образовательных, экономических и культурных структурах.

Что касается потенциального влияния на образовательную политику, то полученные результаты свидетельствуют о том, что российским политикам, возможно, придется изменить свои стратегии, если они хотят повысить глобальную конкурентоспособность своих университетов. Опора на национальные рейтинги – хотя и эффективная в российских условиях – ограничивает глобальную мобильность студентов и преподавателей, о чем свидетельствуют данные, показывающие, что только 30 % российских абитуриентов учитывают международные рейтинги при принятии решений. Это говорит о необходимости пересмотреть приоритеты, сделав акцент на глобальном взаимодействии и международном сотрудничестве как ключевых компонентах будущих образовательных стратегий, что может способствовать переходу от «национально изолированной» к «глобально интегрированной» образовательной системе. Переход также может включать в себя реформирование критериев, используемых в национальных рейтингах, с целью включения в них признанных на международном уровне показателей, таких как влияние цитирования или глобальная мобильность преподавателей, что позволит привести российские учебные заведения в соответствие с лучшими мировыми практиками.

В США полученные результаты свидетельствуют о том, что разработчикам образовательной политики следует продолжать уделять внимание «показателям, ориентированным на результат», особенно тем, которые связаны с успешностью студентов и возможностью трудоустройства, что стало определяющим фактором в процессе принятия студентами решений. Растущее значение таких показателей, как уровень окончания обучения и трудоустройство, говорит о том, что в будущем университетам, возможно, придется адаптировать свои учебные программы и институциональную политику, чтобы соответствовать требованиям студентов, все больше ориентирующихся на окупаемость инвестиций. Полученные данные подчеркивают необходимость прозрачности составления рейтингов, поскольку 40 % американских респондентов выразили скептицизм в отношении точности и справедливости используемых показателей – вывод перекликается с критикой непрозрачности методологий составления рейтингов. Это может побудить образовательные учреждения выступать за реформы в системах ранжирования, добиваясь большей методологической прозрачности и включения показателей, которые точно отражают сильные стороны институтов и вклад общества.

Анализ влияния рейтингов на выбор университета выявил не только разительные различия в том, как российские и американские абитуриенты используют эти инструменты оценки, но и общие проблемы, связанные с давлением академической конкурентоспособности в условиях глобализации. Полученные результаты свидетельствуют о том, что будущие образовательные стратегии должны балансировать между требованиями национальной идентичности и глобальной интеграции, поощряя политику, способствующую как внутреннему превосходству, так и внешнему признанию. Рейтинги, как ключевые арбитры

академической ценности, будут продолжать определять стратегические направления деятельности университетов, но их влияние будет опосредовано меняющимися ожиданиями студентов, политиков и глобальных заинтересованных сторон, создавая структуру, в которой «валюта рейтингов» будет постоянно пересматриваться.

Выводы

Выводы, сделанные в данном исследовании, свидетельствуют о сложности, присущей рейтингам университетов, которые формируют поведение абитуриентов в различных образовательных системах; интерпретация рейтингов не является ни однородной, ни статичной, а существует в рамках континуума, где пересекаются такие факторы, как национальная идентичность, экономические реалии и глобальная конкуренция, создавая аспект, в котором «престиж» становится многомерной конструкцией. В России зависимость от национальных рейтингов отражает «государствоцентричную» модель, в которой ценность институтов часто отождествляется с одобрением правительства и научными результатами – это не только укрепляет внутренние приоритеты, но и ограничивает глобальную мобильность студентов. В отличие от этого, Соединенные Штаты демонстрируют «рыночную» интерпретацию рейтингов, где абитуриенты сопоставляют репутацию учебного заведения с личными и финансовыми соображениями, создавая динамику, при которой ценность образования измеряется как личной выгодой, так и мировым признанием. Эти параллельные и в то же время разные подходы говорят о том, что роль рейтингов нельзя сводить только к числовым позициям, а следует понимать их как «символическую экономику», которая служит посредником между национальными императивами и глобальными устремлениями.

Рекомендации для учебных заведений, стремящихся использовать данные рейтингов для привлечения абитуриентов, должны начинаться с признания этой многоуровневой сложности – университеты, особенно российские, должны рассмотреть возможность адаптации своих стратегий, чтобы подчеркнуть «глобальную видимость», сохраняя при этом свою национальную значимость. Это может включать в себя активное взаимодействие с международными рейтинговыми системами, обеспечивая соответствие ключевых показателей, таких как цитируемость и мобильность преподавателей, глобальным ожиданиям – устраняя разрыв между национальным престижем и глобальной конкурентоспособностью. Американские вузы должны сосредоточиться на дальнейшем совершенствовании показателей, ориентированных на студентов, делая упор на такие факторы, как возможность трудоустройства, финансовая помощь и удовлетворенность студентов – элементы, которые все чаще диктуют решения абитуриентов. В обоих случаях университеты должны рассматривать рейтинги не просто как пассивное отражение своего статуса, а как активные инструменты, которыми можно манипулировать с помощью стратегических мер; повышая прозрачность и адаптируясь к меняющимся ожиданиям своей аудитории, вузы могут перепозиционировать себя как «адаптивные агенты» на постоянно меняющемся рынке образовательных услуг.

Учебные заведения должны учитывать качественные факторы в своей стратегии ранжирования: такие элементы, как сети выпускников, партнерство с промышленными предприятиями и возможности для внеклассной работы – эти факторы, которые часто недооцениваются в традиционных системах ранжирования, могут служить важнейшими дифференциаторами в условиях растущей конкуренции. Сосредоточившись на этих упущенных из виду аспектах, университеты могут создать целостный образ, привлекательный для круга абитуриентов, которые могут отдать предпочтение «экспериментальному обучению» перед традиционными академическими показателями. Университеты должны усовершенствовать свои коммуникационные стратегии, чтобы потенциальные абитуриенты не просто получали данные о рейтинге, но и участвовали в диалоге, который контекстуализирует эти рейтинги в рамках институционального повествования – превращая «рейтинги» из статичных показателей в инструменты повествования, отражающие миссию и идентичность университета.

Университеты должны подходить к рейтингам не как к конечным точкам, а как к отправной точке для стратегического развития: понимая «дискурс рейтингов» как изменчивую, поддающуюся обсуждению конструкцию, вузы могут активно перестраивать свою репутацию и привлекать разнообразный, глобально связанный контингент абитуриентов. Это требует перехода от пассивного участия в системах рейтингов к активному взаимодействию с определяющими их показателями – переопределению границ успеха учебного заведения в условиях все большей глобализации образовательного аспекта.

Список источников

1. Adam E. A reappraisal of global university rankings' influence in Canada: a senior university leaders' perspective // Journal of Further and Higher Education. 2023. № 48. P. 56 – 69. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2023.2253430>.
2. Belenkuyu C., Karadağ E. Defining standards for rankings: An investigation of global university rankings according to the Berlin Principles // European Journal of Education. 2023. <https://doi.org/10.1111/ejed.12566>.
3. Dugerdil A., Sponagel L., Babington-Ashaye A., Flahault A. Rethinking International University Ranking Systems in the Context of Academic Public Health // International Journal of Public Health. 2022. № 67. <https://doi.org/10.3389/ijph.2022.1605252>.
4. Dvoretzkaya V., Antonova I., Semenova G., Belkina E. Scenarios of the innovative development of education in the context of the Russian economy's modernization: entrepreneurial universities vs. high-tech universities // Frontiers in Education. 2023. <https://doi.org/10.3389/feduc.2023.1153084>.
5. Ebzeeva Y., Gishkaeva L. Prospects for the promotion of Russian universities in the international academic ranking ARWU // RUDN Journal of Sociology. 2022. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351>.
6. Ebzeeva Y., Gishkaeva L. Improving the Competitiveness of Education in Russia at the International Level // Logos et Praxis. 2023. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolu.2023.1.8>.
7. Ebzeeva Y. University ranking as an element of attractiveness for potential enrollees // Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2023. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-33-38>.
8. Gargav D., Kabra Y., Sarraf S., Batra S., Malhotra S. Factors Affecting Ranking of Colleges in India for an Individual // International journal of scientific research in engineering and management. 2023. <https://doi.org/10.55041/ijssrem18606>.
9. Jiang H., Wang L., Liu J. Transformation of the Russian Higher Education System // Journal of Advanced Research in Education. 2023. <https://doi.org/10.56397/jare.2023.09.07>.
10. Maloshonok N. Do “Top” Universities the Best in Everything? How the Status and the Size of Russian Universities Correlate to Student Engagement // Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2023. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-48-64>.
11. Nikonova M. The impact of university rankings on higher education in Russia // Herald of CEMI. 2022. <https://doi.org/10.33276/s265838870023454-2>.
12. Osareh F., Parsaei-Mohammadi P., Farajpahlou A., Rahimi F. A Comparative Study of Criteria and Indicators of Local, Regional, and National University Ranking Systems // Journal of Scientometric Research. 2023. <https://doi.org/10.5530/jscires.12.1.009>.
13. Prakhov I., Bugakova P. Regional accessibility of higher education in Russia. British Journal of Sociology of Education. 2023. № 44. P. 558 – 583. <https://doi.org/10.1080/01425692.2023.2167700>.
14. Puzatykh A. Russian institutions of higher education in international rankings: the problem social and environmental sustainability // E3S Web of Conferences. 2023. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202345806003>.
15. Rajagukguk S., Prabowo H., Bandur A., Setiowati R. Behind the Rank: The Synthesis of a Causal Model of Variables Influencing Times Higher Education University Rankings // Journal of System and Management Sciences. 2023. <https://doi.org/10.33168/jsms.2023.0325>.
16. Reznik S., Yudina T. Reputational Risks of the University in the New Conditions for the Development of Russian Higher Education. University Management // Practice and Analysis. 2023. <https://doi.org/10.15826/umpa.2023.02.018>.
17. Sorokin M. Strategic Planning as a Way to Increase the Competitiveness of Universities of the Novosibirsk Region // World of Economics and Management. 2023. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2023-23-1-66-82>.
18. Stanko T., Zhirosh O., Ryabchenko S., Marjyandishev P., Zenkevich N., Belhaouari S. Innovative approach to research motivation system for the university faculty: a case of the Northern Arctic Federal University // World Engineering Education Forum – Global Engineering Deans Council. 2023. P. 1 – 7. <https://doi.org/10.1109/WEED-GEDC59520.2023.10343571>.
19. Tamimi N., Mashrafi O., Thottoli M. Exploring the Factors that Influence University Selection: Insights from College Students // Journal of Business and Management Review. 2023. <https://doi.org/10.47153/jbmr46.7142023>.
20. Tikhonchuk P., Krokhmal L., Kovshun Y. Sociodynamic Approach to Evaluation of Efficiency and Formation of Russian University Rankings // Regionalistica. 2022. <https://doi.org/10.14530/reg.2022.3.74>.

21. Turgel I., Bugrov K., Oykhер A. Russian University Cities: Expectations vs. Reality // Higher Education in Russia. 2023. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-89-111>.
22. Yadrovskaya M., Bulygin Y., Petrova A. Readiness comparison of foreign students of different directions to study at a Russian university // E3S Web of Conferences. 2023. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202346005019>.

References

1. Adam E. A reappraisal of global university rankings' influence in Canada: a senior university lead-ers' perspective. Journal of Further and Higher Education. 2023. No. 48. P. 56 – 69. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2023.2253430>.
2. Belenkuyu C., Karadağ E. Defining standards for rankings: An investigation of global university rankings according to the Berlin Principles. European Journal of Education. 2023. <https://doi.org/10.1111/ejed.12566>.
3. Dugerdil A., Sponagel L., Babington-Ashaye A., Flahault A. Rethinking International University Ranking Systems in the Context of Academic Public Health. International Journal of Public Health. 2022. No. 67. <https://doi.org/10.3389/ijph.2022.1605252>.
4. Dvoretzkaya V., Antonova I., Semenova G., Belkina E. Scenarios of the innovative development of education in the context of the Russian economy's modernization: entrepreneurial universities vs. high-tech universities. Frontiers in Education. 2023. <https://doi.org/10.3389/feduc.2023.1153084>.
5. Ebzeeva Y., Gishkaeva L. Prospects for the promotion of Russian universities in the international academic ranking ARWU. RUDN Journal of Sociology. 2022. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351>.
6. Ebzeeva Y., Gishkaeva L. Improving the Competitiveness of Education in Russia at the International Level. Logos et Praxis. 2023. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.1.8>.
7. Ebzeeva Y. University ranking as an element of attractiveness for potential enrollees. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Political science 2023. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-33-38>.
8. Gargav D., Kabra Y., Sarraf S., Batra S., Malhotra S. Factors Affecting Ranking of Colleges in India for an Individual. Interantional journal of scientific research in engineering and management. 2023. <https://doi.org/10.55041/ijrsrem18606>.
9. Jiang H., Wang L., Liu J. Transformation of the Russian Higher Education System // Journal of Advanced Research in Education. 2023. <https://doi.org/10.56397/jare.2023.09.07>.
10. Maloshonok N. Do “Top” Universities the Best in Everything? How the Status and the Size of Russian Universities Correlate to Student Engagement. Vysshee Obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2023. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-48-64>.
11. Nikonova M. The impact of university rankings on higher education in Russia. Herald of CEMI. 2022. <https://doi.org/10.33276/s265838870023454-2>.
12. Osareh F., Parsaei-Mohammadi P., Farajpahlou A., Rahimi F. A Comparative Study of Criteria and Indicators of Local, Regional, and National University Ranking Systems. Journal of Scientometric Re-search. 2023. <https://doi.org/10.5530/jscires.12.1.009>.
13. Prakhov I., Bugakova P. Regional accessibility of higher education in Russia. British Journal of Sociology of Education. 2023. No. 44. P. 558 – 583. <https://doi.org/10.1080/01425692.2023.2167700>.
14. Puzatykh A. Russian institutions of higher education in international rankings: the problem of social and environmental sustainability. E3S Web of Conferences. 2023. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202345806003>.
15. Rajagukguk S., Prabowo H., Bandur A., Setiowati R. Behind the Rank: The Synthesis of a Causal Model of Variables Influencing Times Higher Education University Rankings. Journal of System and Management Sciences. 2023. <https://doi.org/10.33168/jsms.2023.0325>.
16. Reznik S., Yudina T. Reputational Risks of the University in the New Conditions for the Development of Russian Higher Education. University Management. Practice and Analysis. 2023. <https://doi.org/10.15826/umpa.2023.02.018>.
17. Sorokin M. Strategic Planning as a Way to Increase the Competitiveness of Universities of the Novosibirsk Region // World of Economics and Management. 2023. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2023-23-1-66-82>.
18. Stanko T., Zhirosh O., Ryabchenko S., Marjyandishev P., Zenkevich N., Belhaouari S. Innovative approach to research motivation system for the university faculty: a case of the Northern Arctic Federal University. World Engineering Education Forum – Global Engineering Deans Council. 2023. P. 1 – 7. <https://doi.org/10.1109/WEED-GEDC59520.2023.10343571>.
19. Tamimi N., Mashrafi O., Thottoli M. Exploring the Factors that Influence University Selection: Insights from College Students. Journal of Business and Management Review. 2023. <https://doi.org/10.47153/jbmr46.7142023>.

20. Tikhonchuk P., Krokhmal L., Kovshun Y. Sociodynamic Approach to Evaluation of Efficiency and Formation of Russian University Rankings. *Regionalistica*. 2022. <https://doi.org/10.14530/reg.2022.3.74>.
21. Turgel I., Bugrov K., Oykher A. Russian University Cities: Expectations vs. Reality. *Higher Education in Russia*. 2023. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-89-111>.
22. Yadrovskaya M., Bulygin Y., Petrova A. Readiness comparison of foreign students of different directions to study at a Russian university. *E3S Web of Conferences*. 2023. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202346005019>.

Информация об авторах

Сапожников Г.П., кандидат технических наук, проректор по правовым и административным вопросам, Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Академия бизнеса и инновационных технологий», г. Москва, г. Зеленоград, Савёлкинский пр-д., д. 4, g.p.sapozhnikov@gmail.com

Лобанова Е.В., доктор педагогических наук, профессор, первый проректор, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет», г. Москва, ул. Радио, д. 22, lobanova@rosnou.ru

© Сапожников Г.П., Лобанова Е.В., 2025